

Их сериал был закончен совсем недавно и только вступил в стадию постпродакшна. Однако, чтобы успешно продать проект и выручить за него приличную сумму, необходимо было как можно раньше начать активное продвижение.

Многие крупные проекты с огромными бюджетами начинают маркетинговую кампанию еще на этапе утверждения актерского состава: бесконечный пиар в СМИ, тренды в поисковиках, участие актеров в телешоу, десятки вариантов промо-постеров и тысячи профессиональных кадров. Без вложений в несколько миллионов юаней добиться хоть какого-то резонанса практически невозможно.

Будучи независимым продюсером и режиссером, Се Кай не имел за спиной поддержки крупных компаний, поэтому был вынужден считать каждую копейку. Пока что он вел официальный аккаунт сериала довольно посредственно: выложил пару сетов кадров, но, кроме репостов от основных актеров, интереса проект почти не вызывал.

Поэтому, услышав, что режиссер пригласил золотого спонсора, первой мыслью сотрудников было: Наш режиссер наконец-то решил действовать активно, чтобы привлечь инвестиции!

Поначалу Хань Цинъюй произвел на всех прекрасное впечатление: такой юморной и обходительный красавец, а ведь сын богатых родителей, но при этом никакой заносчивости. Лишь когда кто-то из любопытства решил проверить его через сервис проверки контрагентов, все были шокированы: по запросу выдало целый список владельцев публичных компаний и крупных акционеров. Его состояние исчислялось сотнями миллионов.

Актер, с которым они вместе снимались, оказался мультимиллионером — кто бы мог в это поверить? К тому же, фотографий в базе не нашлось, так что все поспешили успокоить себя мыслью, что это просто однофамилец. Это немного утихомирило их колотящиеся сердца.

Но как ни крути, это был щедрый инвестор, вложивший два миллиона, поэтому требовалось навести порядок, чтобы выказать должное уважение.

Традиция у нашего народа проста: первый шаг к встрече важного гостя — уборка, а степень ее тщательности зависит от ранга визитера.

Уборщица, которую нанимала студия, приходила трижды в неделю, и сегодня был не ее день. Се Юйтун, желая сэкономить, вместе с сотрудниками экстренно приводила в порядок захлавленную гостиную на первом этаже. Она даже сбегала за цветами и фруктами, чтобы встретить спонсора в обновленном помещении.

Однако спонсор сообщил, что приедет после обеда, но даже к пяти часам вечера его и след простыл. Режиссер же заперся в монтажной наверху и не выходил, так что спросить было не у кого.

— Неужели наш режиссер был слишком холоден и обидел господина Ханя? — заволновались

сотрудники и стали подгонять Се Юйтун: — Ты же добавила его в друзья, спроси скорее.

Се Юйтун была в отчаянии:

— Режиссер запретил мне беспокоить господина Ханя, сказал, что я слишком болтлива и, если отпугну его, заставит меня работать на трех работах, чтобы покрыть убытки. Ну ладно, спрошу.

Хань Цинъюй в сообщении клятвенно обещал приехать в студию Се Кая сразу после обеда, но, как только набил желудок, на него внезапно напала лень. Он развалился на диване в гостиной и не хотел пошевелиться, несмотря на заботливые вопросы старого дворецкого.

Вчера он всю ночь проиграл в игры, глаза пересохли, а пальцы ныли, так что даже к телефону прикоснуться не хотелось. Вдруг его осенило: может, ему тоже пора начать ухаживать за собой, чтобы не стать таким же дряхлым раньше времени, как кое-кто другой?

По совету дворецкого он заварил в термосе семена кассии и сушеные ягоды шелковицы, унес напиток в спальню и наложил маску на лицо. Он решил действовать комплексно, изнутри и снаружи, веря, что это даст двойной эффект.

В ожидании, пока подействует маска, он включил плеер и принялся пересматривать старые фильмы.

Чтобы отточить мастерство игры властного босса, он пересмотрел немало картин, где главные герои отличались особой харизмой, и эта была его любимой.

И вот, как раз в тот момент, когда его любимый персонаж умирал на экране, пришло сообщение от Се Юйтун. Он вздрогнул, вспомнив, что обещал приехать к какому-то режиссеру.

— Прощу прощения, возникли дела, я скоро буду, — ответил Хань Цинъюй, спешно переоделся из домашней одежды и велел водителю подать машину.

И хотя времени было в обрез, стоило ему облачиться в деловой костюм и выйти из спальни, как Хань Цинъюй тут же вошел в роль властного босса: расправил плечи и зашагал с невозмутимым видом.

— Молодой господин так поздно отправляется на работу, это очень утомительно. Нужно приготовить питательный ночной перекус, чтобы господин подкрепился, когда вернется, — старый дворецкий с одобрением и жалостью смотрел ему вслед.

Се Кай весь день заставлял себя работать, выключив звук на телефоне, чтобы не думать о странных и раздражающих эмоциях. Пока не вбежала Се Юйтун:

— Господин Хань сказал, что уже едет!

Рука Се Кая дрогнула, он чуть не вырезал удачный фрагмент монтажа и помрачнел:

— Чего так орать? Это всего лишь обычный просмотр материала, нечего так волноваться.

Се Юйтун ответила лишь коротким «понятно», но увидела, как ее дядя, обычно невозмутимый, как гора, вскочил, на ходу расстегивая куртку, и бросился в комнату отдыха. Казалось, за ним даже поднялся ветер.

Выражение лица Се Юйтун сменилось с озадаченного на презрительное: «Дядя, ну ты же не волнуешься, так зачем тогда так быстро бежать переодеваться?»

На работе Се Кай обычно носил черную повседневную одежду. Она была опрятной, но не слишком официальной. К счастью, он часто выезжал отсюда по делам, поэтому держал здесь сменный костюм.

В комнате отдыха он на секунду задумался, нашел умывалку, оставленную Се Юйтун в ванной, тщательно умылся и только потом надел пиджак. Почувствовал, что стало гораздо свежее.

Он был рад, что после сна успел принять душ, иначе не успел бы помыть голову. Это было элементарным проявлением вежливости.

Когда он вышел, Се Юйтун с сотрудниками столпились у двери, наблюдая за представлением:

— Режиссер, мы никогда не видели, чтобы вы так суетились перед спонсором. Неужели у нас снова не хватает денег?

Се Кай запнулся, нахмурился и посмотрел на них:

— При чем тут это? На счете студии еще есть средства. — Он взглянул на настенные часы и бросил: — Пять часов, вы свободны. — Сам же вышел в коридор и невольно уставился в окно, всем своим видом выдавая нетерпение.

Сотрудники студии: «Ого, выгоняет? Если дело не в деньгах, зачем тогда так надушился? Режиссер, вы такой странный!»

Поэтому, когда Хань Цинъюй подошел к офису, он увидел режиссера Се в черном костюме, напоминающего члена мафии. Тот стоял у открытого окна с горящим взглядом, словно в следующую секунду собирался выхватить из кармана пиджака оружие и нашить противника свинцом.

«Неужели у этого человека только один комплект одежды? Вчера был в том же самом. Либо он вообще не ночевал дома, либо просто притворяется скромником перед инвестором».

Вспомнив недавний фильм, Хань Цинъюй не удержался от улыбки. Он толкнул дверцу машины и широким шагом, полный уверенности, направился к режиссеру, который вышел из стеклянных дверей. Хань Цинъюй низким, поставленным голосом произнес:

— Приветствую, мой друг. Должно быть, именно наша дружба заставила вас встретить меня с таким размахом.

Се Кай на мгновение потерял дар речи: «...Не нужно гадать, это Хань Цинъюй в своей ребячливой ипостаси».

— Студия довольно скромная, — Се Кай с едва заметным выражением лица отошел в сторону, приглашая гостя войти.

Студия Се Кая располагалась в пригородном культурном парке, в сером трехэтажном здании на отшибе. Такое место выбрали из-за низкой аренды. Внутри был простой, грубый индустриальный стиль, в центре стояли диваны, а на журнальном столике красовались цветы и фрукты. Довольно уютно и лаконично.

Однако сейчас в здании было очень тихо, никого не было видно. Хань Цинъюй с любопытством спросил:

— Почему вы один? Где Юйтун и остальные?

Се Кай посмотрел на него, не моргнув глазом:

— Сегодня выходной, я отпустил их отдыхать. — Он умолчал о том, что выходной начался полчаса назад.

Хань Цинъюй не удержался от похвалы:

— Отпустить сотрудников, а самому остаться работать — я готов назвать вас лучшим боссом Китая! — Сам господин Хань на такое был неспособен, он в лучшем случае мог договориться уйти вместе с подчиненными.

В голове снова отчаянно заверещала Система Подонок-ата, напоминая, что его образ властного босса вот-вот рухнет, и угрожая списанием баллов. Хань Цинъюй тут же усмирил свои юмористические порывы, натянул маску серьезности и слегка кивнул:

— Что ж, пойдемте смотреть материал.

Секунду назад его взгляд был живым и полным улыбки, а в следующее мгновение он превратился в холодного, отстраненного человека — классическое раздвоение личности, достойное учебника.

Се Кай уже привык к таким неожиданным сменам характера и спокойно пошел вперед, показывая дорогу.

Хань Цинъюй выдохнул и мысленно запротестовал: «Система, давай поговорим. Не слишком ли строгие критерии детектора образа? Видишь, он вообще ничего не заметил, до сих пор относится ко мне с уважением, как к господину Ханю. Где я провалил образ?»

Система Подонок-ата тоже была в недоумении. Хост несколько раз был на грани провала, но персонаж сюжета никак не реагировал. Можно было лишь списать это на разную степень чуткости — возможно, этот человек просто очень тугодумен, и нельзя судить по нему.

Хань Цинъюй: «Ничего себе, ты хочешь сказать, что режиссер Се — полный дурак?»

Как раз в тот момент, когда Се «полный дурак» Кай открыл дверь монтажной, перед офисом остановился еще один фургон, и группа людей с камерами и оборудованием начала выходить из машины.

<http://bllate.org/book/18609/1791813>